

УДК 343.54.012

Каримов Вячеслав Хамитович, доцент, кандидат юридических наук,
Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск

Хафизова Виктория Олеговна, магистрант, 3 курс, юридический
факультет, Сибирский университет потребительской кооперации, г.
Новосибирск

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Следственный эксперимент в российском уголовном судопроизводстве представляет собой следственное действие, сочетающее строго заданную уголовно-процессуальную форму и криминалистическое содержание, ориентированное на проверку и уточнение сведений, имеющих значение для дела. В статье раскрываются правовые основания, требования к условиям и фиксации следственного эксперимента, а также криминалистические закономерности его подготовки и проведения. Особое внимание уделяется соотношению процессуальных гарантий и тактических приемов, вопросам допустимости результатов и современным подходам к применению технических средств фиксации.

Annotation.

An investigative experiment in Russian criminal proceedings is an investigative action combining a strictly defined criminal procedure form and criminalistic content, focused on verifying and clarifying information relevant to the case. The article reveals the legal grounds, requirements for the conditions and recording of an investigative experiment, as well as the criminalistic patterns of its preparation and conduct. Special attention is paid to the relationship between procedural guarantees and tactical techniques, issues of the admissibility of results and modern approaches to the use of technical means of fixation.

Ключевые слова. следственный эксперимент, следственные действия, допустимость доказательств, протокол, криминалистическая тактика, технические средства фиксации, уголовный процесс.

Keywords. investigative experiment, investigative actions, admissibility of evidence, protocol, forensic tactics, technical means of fixation, criminal procedure.

Следственный эксперимент: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты

В действующем уголовно-процессуальном регулировании следственный эксперимент закреплен как самостоятельное следственное действие, проводимое «в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела», путем воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств события; при этом проверяются возможность восприятия фактов, совершения действий, наступления события, а также уточняются последовательность и механизм слеодообразования. Нормативная конструкция статьи 181 УПК РФ регламентирует пределы допустимого предмета опытной проверки и одновременно ограничивает ее процессуальной целью проверки и уточнения уже имеющихся сведений, что имеет принципиальное значение для отграничения следственного эксперимента от иных способов получения доказательственной информации [1].

В. Ю. Стельмах, анализируя состояние правового регулирования, фиксирует исследовательский фокус именно на нормативной проблематике. Такой акцент в научной позиции подчеркивает, что устойчивые трудности практики во многом проистекают не из самой криминалистической природы опытных действий, а из неопределенностей и пробелов процессуальной формы, влияющих на единообразие применения и качество последующей судебной оценки. Автор подчеркивает: «требуется существенно детализировать нормативную регламентацию следственного эксперимента: закрепить основания и условия его производства, дополнить норму УПК РФ

указаниями на право следователя привлекать к участию в следственном эксперименте дублеров и ассистентов, предусмотреть в ней необходимость составления протокола для подтверждения факта отказа лица от участия в анализируемом следственном действии» [6].

Процессуальный порядок производства следственного эксперимента подчиняется общим правилам производства следственных действий и требованиям протоколирования. Общая норма статьи 164 УПК РФ закрепляет, что ход следственного действия оформляется протоколом по правилам статьи 166 УПК РФ, а сам протокол подлежит составлению в ходе действия или непосредственно после его окончания. В совокупности эти положения юридически «привязывают» криминалистическую реконструкцию и опытные действия к формализованной фиксации, без которой результаты теряют проверяемость и рискуют быть девальвированы при оценке относимости, допустимости и достоверности [1].

А. М. Каунов, обращаясь к криминалистическому измерению процедуры, формулирует общий вектор исследования в прикладном ключе: «Одним из важных тактических условий является максимальное приближение обстановки и содержания экспериментального события к реальным условиям события или факта, интересующего следователя. При этом необходимо обеспечение надлежащей безопасности при проведении эксперимента» [3]. В указанной установке существенна идея о зависимости эффективности следственного эксперимента от корректного выбора и последовательности тактических приемов при сохранении процессуальной формы, поскольку именно тактика обеспечивает воспроизводимость условий и управляемость опытных действий, а значит, и доказательственную ценность получаемых результатов.

Уголовно-процессуальная форма следственного эксперимента должна реализовываться с соблюдением принципов уголовного судопроизводства, включая запрет унижающего достоинства обращения и создания опасности для жизни и здоровья участников. Норма статьи 9 УПК РФ закрепляет пределы

допустимых действий государства в отношении участников процесса, что приобретает практическое значение именно для следственного эксперимента, поскольку опытная реконструкция нередко связана с повышенными рисками, психофизиологическими нагрузками и необходимостью обеспечения безопасности, а потому требует оценки допустимости моделируемых действий с точки зрения охраны личности и процессуальных гарантий [1].

А. Н. Никитин, концентрируясь на регламентации и практических затруднениях, указывает на проблемное поле нормативного обеспечения: «проблемам, которые имеются в нормативном регулировании его организации и проведения» [4]. Эта позиция значима тем, что переводит обсуждение из плоскости абстрактной «техничности» следственного эксперимента в сферу юридически измеримых параметров организации, включая состав участников, условия воспроизведения, пределы допустимой реконструкции и требования к фиксации, от которых напрямую зависит последующая судебная проверка результатов.

Ключевым правовым риском для результатов следственного эксперимента является вопрос допустимости доказательств. Статья 75 УПК РФ устанавливает общий принцип недопустимости доказательств, полученных с нарушением требований Кодекса, а конституционный стандарт дополнительно закрепляет, что «не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Следовательно, любые тактические преимущества следственного эксперимента процессуально «обнуляются», если нарушены правила производства следственного действия или фиксации, поскольку в таком случае результаты могут быть исключены из доказательственной базы, независимо от их наглядности или согласованности с версией следствия [1].

В своей работе Т. И. Абдурагимова связывает качество результата с точностью воспроизведения условий и учетом влияющих переменных, подчеркивая исследовательский вывод: «стоит учитывать, что в момент сильного душевного волнения, стрессовых ситуаций, угрожающих жизни и

здоровью, психофизиологические возможности человека могут изменяться, и он, находясь в таком состоянии, может совершить определенные действия за меньший промежуток времени, что не сможет сделать в обычном состоянии» [2]. Для криминалистического аспекта это означает необходимость методически контролировать сопоставимость условий, исключать неконтролируемые искажения, документировать изменения параметров и обеспечивать повторяемость опытов в пределах, совместимых с процессуальной экономией и требованиями безопасности, чтобы минимизировать риск ошибочных интерпретаций.

Отграничение следственного эксперимента от иных следственных действий имеет не только теоретическое, но и доказательственное значение, поскольку определяет предмет проверки, круг допустимых приемов и требования к фиксации. Так, проверка показаний на месте по статье 194 УПК РФ направлена на уточнение ранее данных показаний путем воспроизведения на месте обстановки и действий с привязкой к «месту, связанному с исследуемым событием», тогда как следственный эксперимент по статье 181 УПК РФ процессуально ориентирован на опытную проверку возможностей и механизмов события [1]. Корректная квалификация фактически проводимого действия позволяет применять надлежащие нормы, избегать подмены целей и снижать риск признания результатов недопустимыми из-за смешения процедур.

С. А. Рябчиков, развивая тему фиксации, формулирует тезис о расширении роли технической записи: «необходимо использовать видеозапись как основное средство фиксации хода и результатов... заменяя описательный процесс протокола краткой справкой» [5]. Этот подход, оставаясь дискуссионным с точки зрения действующей модели протоколирования, ценен криминалистически тем, что ставит вопрос о повышении проверяемости и наглядности результатов следственного эксперимента при одновременном снижении потерь информации, неизбежных при исключительно текстовом описании динамичных опытных действий.

Действующая процессуальная модель при этом по-прежнему исходит из обязательности письменного протокола как основного документа фиксации следственного действия: статья 166 УПК РФ прямо закрепляет момент его составления и требования к оформлению, а общие правила статьи 164 УПК РФ увязывают производство следственного действия с протоколированием [1]. Следовательно, использование видеофиксации в следственном эксперименте, даже когда оно тактически оправдано и повышает качество воспроизведения, должно рассматриваться как средство, интегрируемое в процессуальную форму через корректное отражение сведений о примененных технических средствах и результатах в протоколе, иначе повышается риск конфликтов при оценке полноты и надежности фиксации.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 17.12.2025). Режим доступа: <https://www.consultant.ru>
2. Абдурагимов Т. И. Следственный эксперимент и влияние различных факторов на его результаты // Криминологический журнал. 2023. №4. С. 14-17
3. Каунов А. М. Тактика проведения следственного эксперимента // Вестник экономики и права. 2023. №86. С. 1-16
4. Никитин А. Н., Ступницкий А. Е. К вопросу о проблемах производства следственного эксперимента // Право и государство: теория и практика. 2024. №7 (235). С. 466-468

5. Рябчиков С. А. Видеопротоколирование как средство уголовно-процессуального доказывания // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2024. №2. С. 56-62

6. Стельмах В. Ю. Проблемы нормативной регламентации следственного эксперимента // Lex Russica. 2021. №4 (173). С. 142-154

Literature

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated December 18, 2001 N 174-FZ (as amended on December 15, 2025, as amended. dated 12/17/2025). Access mode: <https://www.consultant.ru>

2. Abduragimova T. I. Investigative experiment and the influence of various factors on its results // Journal of Criminology. 2023. No. 4. pp. 14-17

3. Каунов А.М. Tactics of conducting an investigative experiment // Bulletin of Economics and Law. 2023. No. 86. pp. 1-16

4. Nikitin A. N., Stupnitskiy A. E. On the issue of the problems of the investigative experiment production // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 7 (235). pp. 466-468

5. Ryabchikov S. A. Video logging as a means of criminal procedural proof // Bulletin of SUSU. Series: Law. 2024. No. 2. pp. 56-62

6. Stelmakh V. Y. Problems of regulatory regulation of investigative experiment // Lex Russica. 2021. №4 (173). pp. 142-154